Т. Хёльшер

✉ tonio.hoelscher@zaw.uni-heidelberg.de

Гейдельбергский университет им. Карла и Рупрехта
(Германия, Гейдельберг)

АКТУАЛЬНОСТЬ МИФОВ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ И РИМЕ: ОПЫТ КАТЕГОРИЗАЦИИ

Аннотация. Отражение мифологических сюжетов на многочисленных греческих и римских изображениях и в текстах ставит перед нами широкий спектр вопросов. В данной статье обсуждаются возможности разных способов передачи мифов: если тексты направлены на повествование и авторскую рефлексия, то изображения создают зрительное присутствие, отвечают ожиданиям публики и свидетельствуют о социальных предпочтениях. В аспекте социальной значимости мифы обладают онтологическим статусом не символов или метафор абстрактных понятий, но служат реальными моделями для человеческих поступков и поведения, отсылающими к изначальному прошлому. Можно выделить четыре типа связей между социумом и его мифологическим прошлым: 1) генеалогические отсылки, 2) локальные отсылки, 3) парадигматическое отсылки и 4) уподобление мифологическому герою / отождествление с ним. Использование этих связей обусловлено историческим контекстом (героические парадигмы в архаической Греции, локальный патриотизм в классической Греции, героическая генеалогия и идентификация с героем мифа в эллинистических царствах и в Риме позднереспубликанского и имперского периодов).

Ключевые слова: миф, политическая идентичность, греческий полис, эллинистические царства, Римская республика, Афины, Геракл, Тесей, Александр Македонский, Юлий Цезарь, Август

Для цитирования: Хёльшер Т. Актуальность мифов в Древней Греции и Риме: опыт категоризации // Шаги/Steps. Т. 6. № 2. 2020. С. 11–32. DOI: 10.22394/2412-9410-2020-6-2-11-32.

Статья поступила в редакцию 1 сентября 2019 г.
Принято к печати 3 октября 2019 г.

T. Hölscher

✉ tonio.hoelscher@zaw.uni-heidelberg.de

Ruprecht Karl University of Heidelberg
(Germany, Heidelberg)

ACTUALITY OF MYTHS IN ANCIENT GREECE AND ROME: AN ESSAY IN CATEGORIZATION

Abstract. The omnipresence of myths in images and texts in Greek and Roman societies poses a broad spectrum of general questions. This article discusses, first, the different capacities of the media: while texts focus on narration and an author's reflection, images achieve visual presence, respond to the public's expectations and testify to social preferences. Regarding the significance of myths for actual societies, their ontological status is defined not as symbols or metaphors of abstract concepts but as real models of a primordial past for human action and behavior. Regarding the references between present-time societies and their mythical past, four categories are established: genealogical descent, local reciprocity, paradigmatic exemplarity, and individual identification.

The uses of these modes are shown to be stamped by the conditions of historical epochs. In Archaic Greece Herakles serves as a paradigmatic hero of the anthropological concept of competitive polis societies. In Classical Athens Theseus is conceived as a local protagonist of a new political concept of the polis-state based on collective identity. In the Hellenistic kingdoms from Alexander on heroic genealogy and identification are introduced as factors of monarchic charisma. Finally, the superior power of genealogical over paradigmatic strategies is demonstrated in the transition from the late Roman Republic to the principate of Augustus.

Keywords: myth, political identity, Greek polis, Hellenistic kingdoms, Roman Republic, Athens, Herakles, Theseus, Alexander the Great, Julius Caesar, Augustus

To cite this article: Hölscher, T. (2020). Actuality of myths in Ancient Greece and Rome: An essay in categorization. *Shagi / Steps*, 6(2), 11–32. (In Russian). DOI: 10.22394/2412-9410-2020-6-2-11-32.

Received September 1, 2019

Accepted October 3, 2019

© T. HÖLSCHER

© B. M. NIKOLSKY, trans. from English

Введение

Что мы знаем, что мы можем знать?

Как мы знаем, мифы в Древней Греции и Древнем Риме были не просто увлекательными сказками. Они имели важное, актуальное значение для античного общества от архаической эпохи до поздней античности. Герои и события мифов присутствовали во всех жанрах литературы, но еще в большей степени — в изобразительном искусстве, в виде статуй и монументов, находящихся в общественном пространстве и в зданиях, в виде культовых изображений и посвященных даров в общественных святилищах, наконец, в декоре частных домов, на вазах и утвари, используемой на праздниках в религиозной и социальной сферах. Мифы были не предметом знания эрудитов, но неотъемлемой частью общественной жизни. Античное общество жило с персонажами и событиями мифов.

В таких обстоятельствах тексты, с одной стороны, и изображения, с другой, литература и изобразительные искусства оказываются близки друг другу и дополняют друг друга, как было показано в работах ученых-классиков начиная с великих достижений «Kunstmythologie» XIX в.¹ Сегодня изучение греческих и римских мифов на материале одновременно письменных источников и изобразительного искусства позволяют поставить вопросы, имеющие особый «актуальный» интерес:

- изображения дополняют литературную традицию, запечатлевая мифы или их версии, незасвидетельствованные в письменных текстах;
- изображения благодаря их большому количеству могут дополнять литературные тексты, давая подробную информацию о происхождении и развитии мифов в течение исторического времени и на географическом пространстве;
- по той же причине изображения, включенные в различные контексты и выполняющие разные функции в жизни людей, могут много сказать о специфическом использовании мифов в разных социальных пространствах и ситуациях (общественных и частных, религиозных и политических) и в разных социальных группах — среди элиты или простого народа.

Но хотя литература и изобразительное искусство обращаются к общим темам и проблемам, между их методами и возможностями есть важные различия:

- как средство коммуникации тексты обладают большей способностью к повествованию, а искусство — к представлению, тексты служат аргументации, а искусство — презентации;
- как средство передачи содержания литература в большей степени выражает личные взгляды авторов, в то время как искусство более ориентировано на покупателя и потребителя, на его требования и ожидания.

Потому литература более индивидуальна, а искусство более социально и коллективно.

Мы, историки, должны осознавать эти различия, поскольку они определяют сферу и существо той информации, что мы можем получить из наших источников.

¹ Для иконографии мифов незаменимым пособием является «Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae» (LIMC, 1981–2009). Современные подходы к греческой и римской мифологии, сочетающие изучение текстов и образов, см. в [Schefold 1978; 1981; 1988; 1989; 1993; Carpenter 1991; Shaprio 1994; Giuliani 2003; Buxton 2004; Junker 2005].

В этой статье я хочу рассмотреть мифологические изображения в греческом искусстве как форму социального высказывания. Я попробую проанализировать значение мифологического прошлого для общества, жившего в актуальном настоящем, — того общества, для которого эти изображения создавались и которое их «использовало». Конечно, этот подход не нов. Мифы в текстах и изображениях, передающие конкретные идеи и намерения, были досконально изучены, но изучались они применительно к отдельным историческим ситуациям². Но то, что до сих пор в большой степени отсутствует, — это общее размышление о культурных предпосылках и категориях, лежащих в основе использования мифов в политической и общественной жизни.

Онтологический статус мифа

Важным вопросом является онтологический статус мифа³. Начнем с известного примера. Парфенон украшает ряд метоп, на которых представлены четыре мифа о происхождении греческой идентичности: на восточной стороне — битва богов с гигантами, на южной — битва лапифов с кентаврами, на западной — оборонительное сражение афинян против амазонок и на северной — падение Трои⁴. Как справедливо полагают исследователи, эти битвы являются изначальными примерами сражения представителей греческого уклада жизни с носителями зла, святотатства и хаоса. Они также полагают, что эти мифологические битвы воспринимались ими как аналогии современной победоносной войны греков против «варваров»-персов. Однако эти аналогии обозначаются при помощи досадного множества терминов. Часто мифы называют «сравнениями», «метафорами» и даже «аллегориями» греко-персидских войн. Тем самым оборонительные сражения против кентавров и амазонок как будто бы «символизируют» соответствующие битвы на суше — при Марафоне и Платеях, а наступательная война против Трои — «обозначает» последующее завоевание афинским войском Малой Азии. Такое истолкование, однако, влечет за собой вопрос, почему греки должны были предпочитать подобные косвенные намеки непосредственному изображению исторических событий.

Широко известный живописный цикл в Пестрой Стое, расположенной на афинской агоре, указывает в другом направлении. Он включал изображения двух мифологических битв — битву афинян с амазонками и взятие греками Трои, а также историческое сражение афинян с персами при Марафоне и современное периоду создания столкновение афинян и аргивян со спартанцами. Здесь соположение исторической реальности и метафорической аллюзии на те же события не имеет никакого смысла. Совершенно очевидно, что мифологические события не мыслятся как символическая замена современной реальности, они воспринимаются как реальные ранние предшественники исторических сражений⁵.

² См. более ранние примеры: [Thomas 1976; De Angelis, Muth 1999].

³ Об определениях и понятиях, относящихся к греческой и римской мифологии, см.: [Kirk 1970; Burkert 1979; Graf 1985].

⁴ О Парфеноне в целом см.: [Hurwit 2004: 106–154]. О мифах на метопах (и на щите Афины Парфенос) см.: [Thomas 1976; Castriota 1992; Schwab 2005]; новый подход см. в [Arrington 2015, 134–154].

⁵ См.: Pausanias I.15.1–4; [Hölscher 1973: 50–84; Stansbury-O'Donnell 2005; Di Cesare 2015: 172–196].

Онтологический статус мифа не является символическим или метафорическим, мифы воспринимаются как реальность изначального прошлого. Герои мифа — это реальные «крупные» фигуры, подвиги и судьба которых служит жизненным образцом, положительным или отрицательным, для общества, которое с этими мифами живет. Мифы — это реальные значительные примеры человеческого поведения в критических ситуациях, отражающие вообще варианты действий, амбивалентность принимаемых людьми решений, проблемы судьбы и ответственности в социальной жизни. Как примеры поведения и доблести, они связывают изначальное прошлое с современным обществом.

Эта связь, однако, нуждается в дальнейшем теоретическом рассмотрении. Совсем не очевидно, почему и каким образом далекое прошлое первоначальных времен может приобрести значимость и актуальность для позднейшего исторического общества. Если задаться вопросом, каковы конкретные отношения между мифологическим прошлым и актуальным настоящим, стоит выделить четыре разных типа⁶.

1. **Генеалогические отсылки.** Генеалогический тип означает заявление о происхождении от славных предков из мифологического прошлого. Заявляя о своей генеалогии, современные вожди могли претендовать на некоторые «унаследованные» качества и доблести. Хорошо известны примеры: Александр возводил свою генеалогию к Ахиллу, а Август — к Энею.

2. **Локальные отсылки.** Локальный тип означает утверждение могущественного присутствия героя или героини прежде всего в их могилах, на территории данного сообщества или семьи. Ссылаясь на местного героя или героиню и связанные с ними известные мифы, преемники могли заявлять об исходящей от их героических предшественников действенной помощи — защите территории и поддержке их действий. Примеры тому — Тесей в Афинах, Агамемнон в Аргосе или Елена и Орест в Спарте.

3. **Парадигматические отсылки.** Парадигматический тип означает принятие мифологических образцов, таких как Геракл и Ахилл, и их подвигов в качестве примера для подражания. Данные модели в принципе независимы от генеалогических связей или локальных отношений. Всякий правитель, военачальник или воин мог выбрать для себя Геракла или Ахилла парадигматическим образцом доблести. И всякий полис мог объявить Гигантомахию или Троянскую войну великим примером для его собственной борьбы за порядок и справедливость против чужеземных врагов. Эти примеры исключительно концептуальны, они были доступны всем, кто желал соответствовать образу великих мифологических персонажей.

4. **Уподобление и отождествление.** Последний и наиболее честолюбивый шаг совершали те современные деятели, которые заявляли о своем тождестве с богами или героями из мифологического прошлого, называясь «новым Гераклом», «новым Дионисом» или «Зевсом / Юпитером на земле».

Эти категории мифологических отсылок не совсем строго отделены одна от другой: в частности, генеалогические предки могут обладать также парадигматическими качествами. Однако каждая категория имеет свои особые свойства.

⁶ См. также об Александре Великом и его уподоблении или отождествлении с мифологическими персонажами: [Hölscher 2020 (forthcoming)].

1. Использование мифа. Генеалогические мифы служат прежде всего интересам отдельных людей и семей, в то время как локальные служат интересам сообществ. Парадигматические мифы особенно пригодны для публичных споров о социальном положении и могуществе, в то время как мифы тождества используются правителями и монархами в их претензиях на харизматичную исключительность.

2. Концепты, лежащих в основе этих типов. Генеалогические и локальные отсылки указывают на власть и могущество как предмет владения, тогда как парадигматические отсылки и отождествление обращены на личные качества. Генеалогические потомки великих героев обладают авторитетом; те, кому покровительствует местный герой, владеют территорией, которую он оберегает. И генеалогические, и локальные отсылки отмечают не столько личные качества и свойства отдельных людей и групп, сколько авторитет и могущество, полученные ими в наследство или в дар от мифологических героев. Напротив, парадигматические отсылки и отождествление, в рамках которых происходит сравнение современных людей или народов и их достижений с примерами из героических мифов, заявляют об их собственных особых качествах.

3. Стратегии обращения к мифам. Генеалогический и локальный типы являются эксклюзивными, а парадигматический тип — состязательным. Они наделяют привилегией отдельные семьи, группы и места, исключая всех прочих. В противоположность этому парадигматические отсылки в основе своей инклюзивны: претензии обосновываются обращением к одним и тем же образцам; состязающиеся соперники должны доказать, что именно они — наиболее достойные подражатели Геракла, наиболее пламенные поклонники Тесея или лучшие наследники греческих героев, сражавшихся под Троей.

4. Ситуации. Различные отсылки к мифу происходили в разных социальных ситуациях. Ситуацией, в которой наиболее уместны были парадигматические отсылки, являлся пир. То же относится к религиозным культам в гражданском сообществе. С другой стороны, дела политические — как внутренняя борьба, так и внешние конфликты — часто сопровождались эксклюзивными отсылками к генеалогическим и локальным мифам. Следствием этого становится различие в изображениях, относящихся к этим сферам. Пиршественные сосуды в основном украшены изображениями на сюжеты парадигматических мифов, политические монументы часто подчеркивают значение локальных мифов и героев, а честолюбивые претензии великих личностей на власть в большей степени выражаются генеалогическими отсылками⁷.

5. История. Как мы увидим, разные типы обращения к мифу играли разную роль в различные периоды греческой и римской истории.

В следующей части я приведу и проанализирую конкретные примеры использования греческих и римских мифов, чтобы продемонстрировать объяснительную способность предложенных категорий.

⁷ Генеалогические отсылки были переоценены в некоторых из наиболее плодотворных исследований греческой мифологической образности [Shapiro 1989 (о вазах); Marconi 2007 (об убранстве храмов)].

Архаическая Греция: парадигматические мифы и аристократическая доблесть

В архаическом греческом искусстве — и на вазах, и в убранстве храмов — гомеровский мир, вопреки ожиданиям многих филологов, играл лишь незначительную роль. Главным героем в эту эпоху был Геракл. Как всеобщая модель человеческой доблести (*ἀρετή*) Геракл имел значение, не ограниченное ни генеалогическими, ни локальными пределами. Он — парадигматический общегреческий герой *par excellence*⁸.

Как социальная модель Геракл — не независимый герой; он совершает свои подвиги на службе у царя Еврисфея. Этим он принципиально отличается от Гильгамеша, героя — царя Урука. На Востоке политическая власть и личный героизм были тождественны, в Греции же величайший герой, почитавшийся как пример безграничной доблести, был тем не менее зависим от высшего представителя политического порядка. Это точно соответствует структуре ранних греческих городов-государств, в которых политические институты были слабыми, крупные аристократы имели почти безграничные притязания, но в то же время были подчинены довлевшей над ними политической системе.

У данной модели есть два важных антропологических аспекта. Во-первых, этот герой, совершая подвиги, полагается только на свои физические способности. В своем первом сражении голыми руками душил Немейского льва, позднее по традиции снабжается примитивной дубиной. Лишь изредка он прибегает к более изощренному оружию, такому как меч или лук со стрелами. Геракл — протагонист греческой культуры простого мужского тела, натренированного в атлетических упражнениях. Будучи таковым, он, во-вторых, никогда не одерживает над своими противниками легких и бесспорных побед; его сражения ведут к крайним ситуациям опасности и труда, и слава его побед покоится на беспредельных страданиях и изнеможении. Если раннее греческое общество характеризуется особой «культурой немедленного действия» и концептом человека, определяемого его собственными физическими способностями и нравственными качествами, то Геракл — главный прототип этого социального мира⁹.

Подвиги Геракла очень точно воспроизводят достижения раннегреческой полисной цивилизации. Ранние греческие полисы воспринимались как островки человеческого порядка посреди окружающего мира нецивилизованной дикости. Немейский лев, архетипический представитель дикости, противопоставлен человеческому сообществу тем, что угрожает стадам скота на пастбищах и сельским дорогам. В архаическую эпоху львы, как кажется, еще существовали в центральной Греции; в ранней афинской и беотийской вазописи охотники и крестьяне сталкиваются с опасностями, исходящими от этого страшного зверя. Побеждая Немейского льва, Геракл защищает террито-

⁸ Об ограниченном влиянии Гомера см.: [Snodgrass 1998]. Библиография о различных аспектах значения Геракла огромна, но всеобъемлющего исследования этого протагониста «эллинства» не существует. Иконографические свидетельства см. в LIMC IV (1988), 728–838, Herakles, n. 1–1696; V (1990), 1–192, Herakles, n. 1697–3520 (J. Boardman и др.). Об иконографии Геракла в различные исторические эпохи см.: [Schefold 1993: 95–114, 233–254; 1978: 88–150; 1988, 128–229].

⁹ О «культуре немедленного действия» см.: [Hölscher 2003].

рию полиса и пути его сообщения с соседями; это популярный в архаическом искусстве подвиг героя (илл. 1)¹⁰. Следующая его победа — над Лернейской гидрой, которая препятствовала доступу к большому источнику вне стен города Аргоса. Отрубая сто ее голов, Геракл обеспечивает водоснабжение города, необходимое для выживания сообщества. Этот подвиг также изображался на вазах и других предметах из многих частей греческого мира, прежде всего на вазах из раннего Коринфа, который особенно гордился своими богатыми водными ресурсами. Таким образом, в первых своих подвигах Геракл выступает как поборник цивилизации¹¹.

Илл. 1. Геракл и Немейский лев

Аттический чернофигурный килик, ок. 575–550 гг. до н. э.
Национальный археологический музей (Таранто), инв. № I. G. 4342.
CVA Taranto, Museo Nazionale 3 (Milano 1962) pl. 26, 4

III. 1. Herakles and the Nemean lion

Attic black-figure kylix, ca. 575–550 BC
Taranto, Museo Nazionale, inv. I.G. 4342
After: CVA Taranto, Museo Nazionale 3 (Milano 1962) pl. 26, 4

Вслед за тем герой дважды побеждает диких кентавров: сначала когда они нарушают пир, который устроил для него единственный «хороший» кентавр Фол, и затем когда кентавр Несс пытается умыкнуть его невесту Деяниру.

¹⁰ См.: LIMC V (1990), 16–34, Herakles, n. 1762–1989 (W. Felten).

¹¹ О полисах как островах порядка см.: Платон, «Протагор» 322 а-б. О львах, крестьянах и охотниках см.: [Rombos 1988]. О Геракле и Немейском льве см.: LIMC V (1990), 34–43, Herakles, n. 1990–2092 (G. Kokkorou-Alewtas); [Αρβανιτάκη 2006: 71–94].

В этих мифах дикие и похотливые чудовища угрожают двум основным институтам греческого общества: пиру — обычаю, объединяющему аристократов-мужчин, и браку — ритуалу, связывающему между собой два пола. Очень показательно, что эти базовые социальные институты были пронизаны мощной силой либидо: мужская компания — совместным потреблением вина, свадьба — интенсивным сексуальным желанием. Возбуждение эросом и вином были ведущими силами человеческого сообщества, но и то и другое становилось потенциально опасным, если нарушало меру. Геракл, побеждающий кентавров, представляется поборником социальных связей¹².

Илл. 2. Геракл и Герион. Конский нагрудник, бронза, ок. 630 г. до н. э. Археологический музей Вафи (Самос). Инв. № В 2518. *MDAI 100 (1986) pl. 16*

III. 2. *Herakles and Geryon. Horse's breast plate, bronze, ca. 630 BC Vathy, Samos, Museum, inv. B 2518. After: MDAI 100 (1986) pl. 16*

Затем Геракл совершает путешествия в дальние края, на край света: на восток к страшным воинственным амазонкам, чтобы захватить пояс их царицы, и на запад к вооруженному до зубов чудовищу Гериону с тремя телами, желая увести его знаменитое стадо (илл. 2). Эти мифы отражают опыт тех страстных мореплавателей, которые путешествовали по морю в самые удаленные места и привозили оттуда в Грецию природные богатства и продукты цивилизации.

¹² О Фоле см.: LIMC VIII (1997), 691–696, *Kentauroi et Kentaurides*, n. 235–292 (M. Leventopoulou, L. Marangou et al.). О Некце — LIMC VI (1992), 838–847, *Nessos*, n. 1–125 (F. Díez de Velasco). Ср. прекрасную интерпретацию: [Mele 1986].

В этих странах они должны были встречать людей и зверей с неведомыми им доселе обликом и нравами и ожидать самых пугающих встреч и опасностей¹³.

Геракл — не единственный мифологический герой, претерпевающий подобные приключения. Похожие подвиги совершают и другие персонажи: Персей проникает на крайний запад, он сражается со страшной Горгоной, Тесей плывет на Крит, чтобы вступить в схватку с ужасным Минотавром, Беллерофонта посылают в далекую Ликию убить чудовище Химеру, Ясон со своими товарищами отправляется в Колхиду, чтобы добыть золотое руно, охраняемое страшным драконом, Одиссей спасает своих товарищей от свирепого Полифема. Все эти мифы были главными сюжетами раннего архаического искусства. Геракл служит парадигматической моделью этого почти безграничного исследования и использования мифа ранними греческими мореплавателями¹⁴.

Преобладание в вазописи (и в убранстве храмов) архаической эпохи парадигматических отсылок к мифам отражает относительную открытость социальной и политической ментальности элиты. Коммуникация и состязательность часто преодолевали ограниченность семейных генеалогий и полисных границ, обращаясь к общегреческому набору образцовых парадигм.

Классическая Греция: местные мифы и патриотическая идентичность

Если темы парадигматических мифов, к которым обращалось изобразительное искусство архаической эпохи, были общим достоянием всех греков, то классическая эпоха V в. до н. э. отмечена новой особенностью — обращением к мифам локального значения. Причиной для этого послужил новый интерес к политической идентичности, пронизывающий теперь весь греческий мир. Этот дух идентичности раскрывается на разных уровнях общественной жизни: в панэллинском сообществе, среди граждан полиса и в жизни отдельных людей. В войнах против разраставшейся Персидской державы греки создали новое понятие эллинской идентичности, противопоставляемой негреческим «варварам» (как их теперь называли). Затем, в последовавших уже внутренних конфликтах между самими греками, отдельные греческие города-государства и союзы, прежде всего Афины и Спарта, все больше заявляли о своей собственной идеологии полисной идентичности. В то же время ведущие политики, такие как спартанский царь Павсаний и афинский полководец Фемистокл, стремились утвердить свои личные притязания на политическую идентичность [Hölscher 2019a: 83–164].

В Афинах одним из главных составляющих этой идеологии было создание образа нового патриотического героя — Тесея. На протяжении архаического периода миф о Тесее, убивающем Минотавра, был представлен в искусстве всей Греции, но в конце VI в. до н. э., после установления Клизфеном нового политического порядка, присутствие Тесея ограничивается

¹³ О Геракле и амазонках в античном искусстве см.: LIMC I (1981), Amazones, n. 1–167; [von Bothmer 1957; Tyrrell 1984; Blok 1995; Fornasier 2007; Wünsche 2008: 105–115]. О Герионе — LIMC V (1990), 74–85, Herakles, n. 2462–2544; [Brize 1980].

¹⁴ Интерпретации этих мифов в контексте раннего мореплавания см. в [Hölscher 1999].

почти только искусством Афин. Немного спустя, после побед над персами, патриотическая роль этого героя особенно прочно укоренилась на аттической почве, когда в 475 г. Кимон перенес его останки со Скироса и захоронил их в его святилище в центре Афин. В этом контексте афинские художники создают новый образ Тесея как, с одной стороны, культурного героя, и, с другой, политического вождя. Оба эти аспекта характеризуются качествами, не унаследованными от мифологической эпохи, но продиктованными потребностями афинского общества того времени¹⁵.

Илл. 3. *Тесей и Прокруст, Керкион, Минотавр*
Аттический краснофигурный килик, ок. 510–500 гг. до н. э.
Британский музей (Лондон), инв. № Е 36.

Фотография Британского музея, архив Гейдельбергского университета

Ill. 3. *Theseus and Prokroustes, Kerkyon, Minotaur*
Attic red-figure kylix, ca. 510–500 BC
London British Museum, inv. E 36
Photo British Museum, Archive University of Heidelberg

Начиная с 510–500 гг. до н. э. создается новый цикл подвигов Тесея, который мы встречаем не только в удивительной вазописи новой краснофигурной техники (илл. 3), но и на рельефах сокровищницы афинян в Дельфах. Афинский герой мыслится как аналог Геракла, но если Геракл совершает свои подвиги по всей Греции и за ее пределами, то Тесей побеждает разбойников и чудовищ по пути из Трезена в Афины, тем самым обеспечивая безопасный

¹⁵ См.: LIMC VI (1994), 33–52; [Schefold 1946; Neer 2002: 154–168; von den Hoff 2010].
О Кимоне см.: Фукидид I.98.2; Диодор XI.60.2; Плутарх, «Тесей» 36; Плутарх, «Кимон» 8.

доступ в свой родной город. Эти подвиги являются не только общими проявлениями юношеской ἀρετή в борьбе против нецивилизованных злодеев, но и образцовыми поступками ради утверждения актуальной высокой греческой культуры. Прокруст, приглашающий гостей возлечь на κλίνη и затем растягивающий их до смерти, извращает обычаи симпосия; Керкион, вступающий в схватку с путниками и убивающий их, действует вопреки правилам атлетики; Скирон, заставляющий посетителей омыть его ноги и затем сбрасывающий их со скалы в море, нарушает законы гостеприимства; Синис неверно (не по назначению) использует гибкую древесину, обычно применявшуюся в кораблестроении и в производстве луков; Перифет пренебрегает правилами сражения гоплитов; Кроммионская свинья противостоит благородной охоте. Побеждая этих противников, Тесей показывает себя поборником высших социальных ценностей [Neils 1987; Hölscher 2019b].

Илл. 4. Тесей и афинские воины, сражающиеся с амазонками
Аттический краснофигурный кратер с волютами, ок. 460–450 гг. до н. э.
Национальный археологический музей (Неаполь), инв. № 2421
LIMC I (1981), Amazones, 298

Ил. 4. Theseus and Athenian companions fighting the amazons
Attic red-figure volute-krater, ca. 460–450 BC
Napoli, Museo Archeologico Nazionale, inv. 2421
After: LIMC I (1981) Amazones 298

В сфере политики особое локальное и патриотическое значение Тесея становится очевидным в новой версии мифа об амазонках. В то время как в архаическую эпоху Геракл нападал на амазонок в их собственной далекой стране, теперь амазонки пересекают Эгейское море, чтобы осадить Афины, — и их нападение успешно отражают афиняне под предводительством своего царя

Тесея (илл. 4). В этой версии исследователи справедливо увидели мифологический образ нападения персов на Афины в 480 г. до н. э.: Эсхил, например, заставляет амазонок напасть на Акрополь со стороны Ареопага, где, как мы знаем из Геродота, персы разбили лагерь перед взятием Акрополя¹⁶.

Это новое конструирование локальной патриотической мифологии имеет два аспекта, которые нуждаются в дальнейшем рассмотрении. Во-первых, миф и современность находятся в тесных взаимных отношениях. Эксплицитная роль мифа о сражении с амазонками заключается в том, чтобы указывать на имевшую место в прошлом образцовую модель для ситуаций и действий, происходящих в настоящем; но, как имплицитное следствие этого взаимодействия, миф, чтобы служить такой моделью, сам приводится в соответствие и уподобляется реальным современным событиям. Эксплицитно настоящее разворачивается в согласии с моделью мифа, но имплицитно миф следует за моделью настоящего.

Во-вторых, эта актуализация мифа может вести к его постоянному изменению. На афинских вазах V в. до н. э. сражение с амазонками предстает в больших батальных сценах, какие мы можем увидеть в росписи Пестрой Стои, и служит мифологическим аналогом битвы при Марафоне, изображенной в том же цикле. Приспособление мифа к политической действительности особенно очевидно на кратере из Спины, где три убегающие амазонки имеют имена, отсылающие к современности. Одна из них названа Писианассой, по имени Писианакта, на чьи средства Стоя была построена. Другая амазонка имеет имя Долопа, по названию племени долопов, живших на острове Скирос — том самом острове, откуда были перенесены в Афины останки Тесея. Значит, враждебные амазонки уподоблялись враждебным долопам, которых афиняне должны были победить, чтобы обрести останки своего национального героя¹⁷.

Особенно показательно изображение амазономахия на щите сделанной из золота и слоновой кости статуи Афины Парфенос в Парфеноне. Главными фигурами в этой композиции были, по-видимому, патриотический герой Тесей и первохудожник Дедал. Таким образом, предводителями мифологического сообщества Афин предстают здесь великий политический деятель и великий художник. Очевидно, в этом изображении нужно видеть мифологический прообраз Афин как современного центра Греции в представлении Перикла — Афин как города, обладающего в равной степени и политическим весом, и культурным блеском¹⁸.

Наконец, в 420-е годы мы вновь встречаем сцену сражения афинян во главе с Тесеем против амазонок на арибаллическом лекифе из Неаполя. На этот раз Тесея сопровождают два героя с именами Муних и Фалер, названные так по именам двух афинских гаваней, Мунихия и Фалера. В этой сцене Афины

¹⁶ См.: [Boardman 1982]; Эсхил, «Эвмениды» 685–689; ср. Геродот VIII.52.

¹⁷ О больших сценах сражений с амазонками см.: [von Bothmer 1957: 161–192]. Амазономахия была представлена не только в изобразительном цикле в Пестрой Стое, но и немного ранее в новом Тесейоне Кимона, см.: [Castriota 1992: 43–58, 76–89]. О кратере из Спины в Ферраре с Писианассой и Долопой см.: [von Bothmer 1957: 198, n. 132].

¹⁸ О щите Афины Парфенос см.: [Hölscher, Simon 1976; Strocka 1984; Papini 2014: 154–166].

предстают как крупная морская держава, что соответствует их политическим притязаниям во время Пелопонесской войны [von Bothmer 1957: 162–163, n. 16; Simon, Hirmer 1976, fig. 220].

Таким образом, появившееся в классическую эпоху внимание к политической идентичности привело к усилению роли местных патриотических мифов. Этот новый взгляд на политическую действительность инспирирует активное взаимодействие между мифологическими моделями из прошлого и меняющимися реальностью и идеологией сообществ того времени.

Эллинистическая Греция: генеалогические отсылки и утверждение личного превосходства

Монархии эллинистической Греции и Римская империя произвели еще один способ использования традиционных мифов. Претензии эллинистических правителей начиная с Александра Великого на исключительную личную харизму не могли более основываться на отсылках к парадигматическим и локальным мифам, поскольку к тем же мифам могли обращаться остальные люди или социальные группы. Для новых притязаний более действенными оказываются генеалогические отсылки. Александр Великий возводил свой род по отцовской линии к Гераклу, а по материнской — к Ахиллу. Еще до Александра к обоим этим героям обращались ведущие или честолюбивые политики, видя в них парадигматические образцы поведения и доблести, но теперь Александр монополизировал их как своих предков. Он даже приравнивал себя к ним путем взаимного уподобления мифологического героя и современного правителя. С одной стороны, его знаменитый серебряный тетрадрахм изображает Геракла с характерной стрижкой Александра (ἀναστολή), уподобляя героический образец его современному подражателю (илл. 5). С еще большей очевидностью — с полным воспроизведением характерной прически Александра изображен в качестве его предка Ахилл на раннеэллинистических монетах города Лариссы Кремасты в Фессалии. С другой стороны, на так называемом Александровом саркофаге Абдоланима Сидонского Александр сам появляется в шлеме, имеющем вид львиной головы, т. е. уподобляется Гераклу как своей мифологической модели (илл. 6)¹⁹.

Эти претензии на происхождение от великих героев мифов стали еще значительнее, когда Александр был признан сыном Зевса-Аммона. Теперь он оказался равным другим знаменитым героям — сыновьям богов. Он стал не просто потомком, но братом Геракла. В этом образе его представил великий художник Апеллес, на картине которого он стоял между двумя другими отпрысками Зевса, Диоскурами²⁰.

¹⁹ О тетрадрахмах см.: [Price 1991]; об уподоблении Геракла Александру — [Dorka Moreno 2019]; о монетах из Лариссы Кремасты — [von den Hoff 1997: 20–22]; о саркофаге Александра — [von Graeve 1970].

²⁰ Плиний, «Естественная история» XXXV.93–94.

Илл. 5. Голова Геракла с чертами Александра Великого
Тетрадрахма Александра, ок. 333–323 гг. до н. э.
[Kraay, Hirmer 1966, pl. 173, n. 572]

III. 5. *Head of Herakles with traits of Alexander the Great*
Tetradrachme of Alexander, ca. 333–323 BC.
After: [Kraay, Hirmer 1966, pl. 173, n. 572]

Исключительная роль этих генеалогических отсылок становится очевидна в Поздней римской республике. Вплоть до этого времени римляне почитали Энея и Ромула как своих общих героев-основателей и как великий парадигматический образец *pietas* и *virtus*. Помимо них все знатные семьи почитали, с большими или меньшими амбициями, своих собственных героических прародителей. Это равновесие нарушилось, когда Юлий Цезарь провозгласил Энея прародителем своей собственной семьи, *gens Iulia*, и успешно монополизировал этого общего героя для себя самого. Все прочие предки других родов должны были стать ниже национального героя-основателя, принадлежащего теперь Юлиам. Это могло быть причиной того, что Октавиан отказался от предложения принять имя Ромула и выбрал новое имя Августа²¹.

Случай с Энеем не был единственным. Все крупные полководцы той эпохи, такие как Сулла и Помпей, почитали Венеру в качестве великой парадигматической богини победы и удачи — до тех пор, пока Юлий Цезарь не провозгласил ее матерью Энея, заявляя тем самым исключительные претензии на нее как на божественную прародительницу *gens Iulia*. Это действие, вероятно, стало причиной ночных кошмаров Гнея Помпея, которому снилось, как он украшает посвященными дарами построенный им храм Венеры, теперь покровительствующей его сопернику Юлию Цезарю. В случае с Венерой Август проявил меньшие колебания и наделил ее ролью основательницы в своем имперском мифе [Schilling 1954: 272–345]²².

²¹ Об Энее в ранней и средней Республике см.: [La Rocca 2018]; о семейных прародителях — [Wiseman 1974; Walter 2004: 84–130]; о Юлии Цезаре и Энее — [Crawford 1974, n. 458/1, 494/3]; об Октавиане и Ромуле — Светоний, «Август» 7; Дион Кассий LIII.16.7.

²² О ночном кошмаре Помпея см.: Плутарх, «Помпей» 68, Аппиан, «Гражданская война» II.69.

Илл. 6. *Александр Великий с львиным шлемом (так называемый саркофаг Александра из Сидона), ок. 320–310 гг. до н. э.
Археологический музей (Стамбул), инв. № 370
Фото Д. Иоханнес, личный архив Т. Хёльшера*

Ill. 6. *Alexander the Great with lion-helmet,
so-called Alexander sarcophagus from Sidon, ca. 320–310 BC
Istanbul, Archaeological Museum, inv. 370
Photo D. Johannes, Archive T. Hölscher*

* * *

Все мифы о прошлом создавались с точки зрения и ради актуальных целей современных им обществ и личностей. В рамках науки об античности такому «использованию» мифов были посвящены многие плодотворные и убедительные исследования. Я же хотел показать следующее: систематический анализ общих категорий подобного использования помогает понять, как стратегии мифологических отсылок работают в актуальных исторических ситуациях и обстоятельствах.

Пер. с англ. Б. М. Никольского

Сокращения

LIMC — Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae. Vol. 1–8, Suppl. Zürich; Düsseldorf: Artemis Verlag, 1981–2000, 2009.

Литература

- Arrington 2015 — *Arrington N. T.* Ashes, images, and memories: The presence of the war dead in fifth-century Athens. Oxford: Oxford Univ. Press, 2015.
- Blok 1995 — *Blok J. H.* The early Amazons: Modern and ancient perspectives on a persistent myth. Leiden: Brill, 1995.
- Boardman 1982 — *Boardman J.* Herakles, Theseus and Amazons // *The eye of Greece: Studies in the art of Athens* / Ed. by D. Kurtz, B. Sparkes. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1982. P. 1–28.
- Brize 1980 — *Brize Ph.* Die Geryoneis des Stesichoros und die frühe griechische Kunst. Würzburg: Konrad Triltsch, 1980.
- Burkert 1979 — *Burkert W.* Structure and history in Greek mythology and ritual. Berkeley: Univ. of California Press, 1979.
- Buxton 2004 — *Buxton R. G. A.* The complete world of Greek mythology. London: Thames and Hudson, 2004.
- Carpenter 1991 — *Carpenter Th. H.* Art and myth in ancient Greece: A handbook. London: Thames and Hudson, 1991.
- Castriota 1992 — *Castriota D.* Myth, ethos, and actuality: Official art in fifth-century B. C. Athens. Madison, Wis.: Univ. of Wisconsin Press, 1992.
- Crawford 1974 — *Crawford M.* Roman Republican coinage. London; New York: Cambridge Univ. Press, 1974.
- De Angelis, Muth 1999 — Im Spiegel des Mythos: Bilderwelt und Lebenswelt: Symposium, Rom 19.–20. Februar 1998 / Hrsg. von F. De Angelis, S. Muth. Wiesbaden: Reichert, 1999.
- Di Cesare 2015 — *Di Cesare R.* La città di Cecrope. Ricerche sulla politica edilizia cimoniana ad Atene. Paestum: Pandemos; Atene: Scuola Archeologica Italiana di Atene, 2015.
- Dorka Moreno 2019 — *Dorka Moreno M.* Imitatio Alexandri? Ähnlichkeitsrelationen zwischen Götter- sowie Heroenbildern und Porträts Alexanders des Großen in der griechisch-römischen Antike. Rahden: Verlag Marie Leidorf GmbH, 2019. (Tübinger Archäologische Forschungen; 29).
- Fornasier 2007 — *Fornasier J.* Amazonen. Frauen, Kämpferinnen und Städtegründerinnen. Mainz: Von Zabern, 2007.
- Giuliani 2003 — *Giuliani L.* Bild und Mythos: Geschichte der Bilderzählung in der griechischen Kunst. München: C. H. Beck, 2003. [English trans.: Image and myth: A history of pictorial narration in Greek art. Chicago: Chicago Univ. Press, 2013].
- Graf 1985 — *Graf F.* Griechische Mythologie: Eine Einführung. München; Zürich: Artemis, 1985. [English trans.: Greek mythology: An introduction. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press, 1993].
- Hölscher 1973 — *Hölscher T.* Griechische Historienbilder des 5. Und 4. Jahrhunderts v. Chr. Würzburg: K. Triltsch, 1973.
- Hölscher 1999 — *Hölscher T.* Immagini mitologiche e valori sociali nella Grecia arcaica // Im Spiegel des Mythos: Bilderwelt und Lebenswelt / Hrsg. von F. De Angelis, S. Muth. Wiesbaden: Reichert, 1999. S. 11–30.

- Hölscher 2003 — *Hölscher T.* Körper, Handlung und Raum als Sinnfiguren in der griechischen Kunst und Kultur // Sinn (in) der Antike. Orientierungssysteme, Leitbilder und Wertkonzepte im Altertum / Hrsg. von K.-J. Hölskeskamp et al. Mainz: von Zabern, 2003. S. 163–192.
- Hölscher 2019a — *Hölscher T.* Krieg und Kunst im antiken Griechenland und Rom: vier Triebkräfte kriegerischer Gewalt: Heldentum, Identität, Herrschaft, Ideologie. Berlin: De Gruyter, 2019.
- Hölscher 2019b — *Hölscher T.* Mythenbilder und Mentalität in Athen von Kleisthenes zu den Perserkriegen: Ein Versuch zur historischen Psychologie der Griechen. Wiesbaden: Harrassowitz, 2019.
- Hölscher 2020 (forthcoming) — *Hölscher T.* From early on to become a hero: Mythical models of Alexander's image and biography // *Alexander's empire: The legitimization of conquest* / Ed. by A. Meeus, K. Trampedach.
- Hölscher, Simon 1976 — *Hölscher T., Simon E.* Die Amazonenschlacht auf dem Schild der Athena Parthenos (Taffeln 43–48) // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Bd. 91. 1976. S. 115–148.
- Hurwit 2004 — *Hurwit J. M.* The Acropolis in the age of Pericles. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2004.
- Junker 2005 — *Junker K.* Griechische Mythenbilder. Einführung in ihre Interpretation. Stuttgart: J. B. Metzler, 2005.
- Kirk 1970 — *Kirk G. S.* Myth: Its meaning and functions in ancient and other cultures. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1970.
- Kraay, Hirmer 1966 — *Kraay C. M., Hirmer M.* Greek coins. New York: Abrams, 1966.
- La Rocca 2018 — *La Rocca E.* La Nike di Samotracia tra Macedoni e Romani. Atene: Scuola Archeologica Italiana di Atene, 2018.
- Marconi 2007 — *Marconi C.* Temple decoration and cultural identity in the archaic Greek world: The metopes of Selinus. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2007.
- Mele 1986 — *Mele, N. V.* Il ruolo dei Centauri di Herakles: Polis, banchetto e simposio // Les grands figures religieuses. Fonctionnement pratique et symbolique dans l'antiquité. Actes du Colloque international (Besançon, 25–26 avril 1984) / Sous la dir. de A. Colette et al. Paris: Les Belles Lettres, 1986. (Annales Littéraires de l'Université de Besançon; 329). P. 333–370.
- Neer 2002 — *Neer R.* Style and politics in Athenian vase-painting: The craft of democracy, ca. 530–460 B. C. E. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002.
- Neils 1987 — *Neils J.* The youthful deeds of Theseus. Roma: Bretschneider, 1987.
- Papini 2014 — *Papini M.* Fidia. L'uomo che scolpì gli dei. Bari: Laterza, 2014.
- Price 1991 — *Price M. J.* The coinage in the name of Alexander the Great and Philip Arrhidaeus. Zürich; London: Swiss Numismatic Society, 1991.
- Rombos 1988 — *Rombos Th.* The iconography of Attic late Geometric II pottery. Partille, Sweden: Åströms förlag, 1988.
- Schefold 1946 — *Schefold K.* Kleisthenes. Der Anteil der Kunst an der Gestaltung des jungen attischen Freistaates // *Museum Helveticum*. Bd. 3. No. 2. 1946. S. 59–93.
- Schefold 1978 — *Schefold K.* Götter- und Heldensagen der Griechen in der spätarchaischen Kunst. München: Hirmer, 1978.
- Schefold 1981 — *Schefold K.* Die Göttersage in der klassischen und hellenistischen Kunst. München: Hirmer, 1981.
- Schefold 1988 — *Schefold K.* Die Urkönige, Perseus, Bellerophon, Herakles und Theseus in der klassischen und hellenistischen Kunst. München: Hirmer, 1988.
- Schefold 1989 — *Schefold K.* Die Sagen von den Argonauten, von Theben und Troia in der klassischen und hellenistischen Kunst. München: Hirmer, 1989.

- Schefold 1993 — *Schefold K.* Götter- und Heldensagen der Griechen in der früh- und hocharchaischen Kunst. München: Hirmer, 1993.
- Schilling 1954 — *Schilling R.* La religion romaine de Vénus: depuis les origines jusqu'au temps d'Auguste. Paris: Boccard, 1954.
- Schwab 2005 — *Schwab K. A.* Celebrations of victory: The metopes of the Parthenon // The Parthenon: From Antiquity to the present / Ed. by J. Neils. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2005. P. 159–197.
- Shapiro 1989 — *Shapiro H. A.* Art and cult under the tyrants in Athens. Mainz: von Zabern, 1989.
- Shapiro 1994 — *Shapiro H. A.* Myth into art: Poet and painter in classical Greece. London: Routledge, 1994.
- Simon, Hirmer 1976 — *Simon E., Hirmer M.* Die griechischen Vasen. München: Hirmer, 1976.
- Snodgrass 1998 — *Snodgrass A. M.* Homer and the artists: Text and picture in early Greek art. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1998.
- Stansbury-O'Donnell 2005 — *Stansbury-O'Donnell M. D.* The painting program in the Stoa Poikile // Periklean Athens and its legacy: Problems and perspectives / Ed. by J. Barringer, M., J. Hurwit. Austin: Univ. of Texas Press, 2005. P. 73–87.
- Strocka 1984 — *Strocka V. M.* Das Schildrelief — Zum Stand der Forschung // Parthenon-Kongress Basel 1982 / Hrsg. von E. Berger. Mainz: von Zabern, 1984. S. 188–196.
- Thomas 1976 — *Thomas E.* Mythos und Geschichte: Untersuchungen zum historischen Gehalt griechischer Mythendarstellungen. Köln: Thomas, 1976.
- Tyrrell 1984 — *Tyrrell W. M. B.* Amazons: A study in Athenian mythmaking. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press, 1984.
- von Bothmer 1957 — *von Bothmer D.* Amazons in Greek art. Oxford: Clarendon Press, 1957.
- von den Hoff 1997 — *von den Hoff R.* Der 'Alexander Rondanini'. Mythischer Heros oder heroischer Herrscher? // Münchner Jahrbuch für bildende Kunst. Bd. 48. 1997. S. 7–28.
- von den Hoff 2010 — *von den Hoff R.* Theseus. Stadtgründer und Kulturheros // Erinnerungsorte der Antike. Die griechische Welt / Hrsg. von E. Stein-Höllkeskamp, K.-J. Höllkeskamp. München: C. H. Beck, 2010. S. 300–315.
- von Graeve 1970 — *von Graeve V.* Der Alexandersarkophag und seine Werkstatt. Berlin: Mann, 1970.
- Walter 2004 — *Walter U.* Memoria und res publica. Zur Geschichtskultur im republikanischen Rom. Frankfurt a. M.: Verlag Antike, 2004.
- Wiseman 1974 — *Wiseman T. P.* Legendary genealogies in Late-Republican Rome // Greece & Rome. Vol. 21. No. 2. 1974. P. 153–164.
- Wünsche 2003 — Herakles = Hercules / Hrsg. von R. Wünsche. München: Staatliche Antikensammlungen und Glyptothek, 2003.
- Wünsche 2008 — Starke Frauen / Hrsg. von R. Wünsche. München: Staatliche Antikensammlungen und Glyptothek, 2008.
- Αρβανιτάκη 2006 — *Αρβανιτάκη Α.* Ἡρώας και πόλη: Το παράδειγμα του Ηρακλή στην αρχαϊκή εικονογραφία της Κορίνθου. Θεσσαλονίκη: Univ. Studio Press, 2006.

References

- Arrington, N. T. (2015). *Ashes, images, and memories: The Presence of the war dead in fifth-century Athens*. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Arvanitakē, A. (2006). *Hērōas kai polē: To paradeigma tou Hēraklē stēn archaikē eikonographia tēs Korinthou* [Hero and the polis: The example of Heracles in the archaic iconography of Corinth]. Thessaloniki: Univ. Studio Press. (In Greek).

- Blok, J. H. (1995). *The early Amazons: Modern and ancient perspectives on a persistent myth*. Leiden: Brill.
- Boardman, J. (1982). Herakles, Theseus and Amazons. In D. Kurtz, B. Sparkes (Eds.). *The eye of Greece: Studies in the art of Athens*, 1–28. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Brize, Ph. (1980). *Die Geryoneis des Stesichoros und die frühe griechische Kunst*. Würzburg: Konrad Triltsch. (In German).
- Burkert, W. (1979). *Structure and history in Greek mythology and ritual*. Berkeley: Univ. of California Press.
- Buxton, R. G. A. (2004). *The complete world of Greek mythology*. London: Thames and Hudson.
- Carpenter, Th. H. (1991). *Art and myth in ancient Greece: A handbook*. London: Thames and Hudson.
- Castriota, D. (1992). *Myth, ethos, and actuality: Official art in fifth-century B. C. Athens*. Madison, Wis.: Univ. of Wisconsin Press.
- Crawford, M. (1974). *Roman Republican coinage*. London: Cambridge Univ. Press.
- De Angelis, F., Muth, S. (Eds.) (1999). *Im Spiegel des Mythos: Bilderwelt und Lebenswelt: Symposium, Rom 19.–20. Februar 1998*. Wiesbaden: Reichert. (In German).
- Di Cesare, R. (2015). *La città di Cecrope. Ricerche sulla politica edilizia cimoniana ad Atene*. Paestum: Pandemos. (In Italian).
- Dorka Moreno, M. (2019). *Imitatio Alexandri? Ähnlichkeitsrelationen zwischen Götter- sowie Heroenbildern und Porträts Alexanders des Großen in der griechisch-römischen Antike*. Rahden: Verlag Marie Leidorf GmbH. (In German).
- Fornasier, J. (2007). *Amazonen. Frauen, Kämpferinnen und Städtegründerinnen*. Mainz: Von Zabern. (In German).
- Giuliani, L. (2003). *Bild und Mythos: Geschichte der Bilderzählung in der griechischen Kunst*. Munich: C. H. Beck. (In German). [English trans.: Giuliani, L. (2013). *Image and myth: A history of pictorial narration in Greek art*. Chicago: Chicago Univ. Press].
- Graf, F. (1985). *Griechische Mythologie: Eine Einführung*. Munich: Artemis. (In German). [English trans.: Graf, F. (1993). *Greek mythology: An introduction*. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press].
- Hölscher, T. (1973). *Griechische Historienbilder des 5. Und 4. Jahrhunderts v. Chr.* Würzburg: K. Triltsch. (In German).
- Hölscher, T. (1999). Immagini mitologiche e valori sociali nella Grecia arcaica. In F. De Angelis, S. Muth (Eds.). *Im Spiegel des Mythos: Bilderwelt und Lebenswelt*, 11–30. Wiesbaden: Reichert. (In German).
- Hölscher, T. (2003). Körper, Handlung und Raum als Sinnfiguren in der griechischen Kunst und Kultur. In K.-J. Hölkeskamp et al. (Eds.). *Sinn (in) der Antike. Orientierungssysteme, Leitbilder und Wertkonzepte im Altertum*, 163–192. Mainz: von Zabern. (In German).
- Hölscher, T. (2019a). *Krieg und Kunst im antiken Griechenland und Rom: vier Triebkräfte kriegerischer Gewalt: Heldentum, Identität, Herrschaft, Ideologie*. Berlin: De Gruyter. (In German).
- Hölscher, T. (2019b). *Mythenbilder und Mentalität in Athen von Kleisthenes zu den Perserkriegen: Ein Versuch zur historischen Psychologie der Griechen*. Wiesbaden: Harrassowitz. (In German).
- Hölscher, T. (2020, forthcoming). From early on to become a hero: Mythical models of Alexander's image and biography. In A. Meeus, K. Trampedach (Eds.). *Alexander's empire: The legitimization of conquest*.
- Hölscher, T., Simon, E. (1976). Die Amazonenschlacht auf dem Schild der Athena Parthenos (Taffeln 43–48). *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts*, 91, 115–148. (In German).

- Hurwit, J. M. (2004). *The Acropolis in the age of Pericles*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Junker, K. (2005). *Griechische Mythenbilder. Einführung in ihre Interpretation*. Stuttgart: J. B. Metzler. (In German).
- Kirk, G. S. (1970). *Myth: Its meaning and functions in ancient and other cultures*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Kraay, C. M., Hirmer, M. (1966). *Greek coins*. New York: Abrams.
- La Rocca, E. (2018). *La Nike di Samotraccia tra Macedoni e Romani*. Athens: Scuola Archeologica Italiana di Atene. (In Italian).
- Marconi, C. (2007). *Temple decoration and cultural identity in the archaic Greek world: The metopes of Selinus*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Mele, N. V. (1986). Il ruolo dei Centauri di Herakles: Polis, banchetto e simposio. In A. Colette et al. (Eds.). *Les grands figures religieuses. Fonctionnement pratique et symbolique dans l'antiquité. Actes du Colloque international (Besançon, 25-26 avril 1984)*, 333–370. Paris: Les Belles Lettres. (In Italian).
- Neer, R. (2002). *Style and politics in Athenian vase-painting: The craft of democracy, ca. 530–460 B. C. E.* Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Neils, J. (1987). *The youthful deeds of Theseus*. Rome: Bretschneider.
- Papini, M. (2014). *Fidia. L'uomo che scolpì gli dei*. Bari: Laterza. (In Italian).
- Price, M. J. (1991). *The coinage in the name of Alexander the Great and Philip Arrhidaeus*. Zürich; London: Swiss Numismatic Society.
- Rombos, Th. (1988). *The iconography of Attic late Geometric II pottery*. Partille, Sweden: Åströms förlag.
- Schefold, K. (1946). Kleisthenes. Der Anteil der Kunst an der Gestaltung des jungen attischen Freistaates. *Museum Helveticum*, 3(2), 59–93. (In German).
- Schefold, K. (1978). *Götter- und Heldensagen der Griechen in der spätarchaischen Kunst*. Munich: Hirmer. (In German).
- Schefold, K. (1981). *Die Göttersage in der klassischen und hellenistischen Kunst*. Munich: Hirmer. (In German).
- Schefold, K. (1988). *Die Urkönige, Perseus, Bellerophon, Herakles und Theseus in der klassischen und hellenistischen Kunst*. Munich: Hirmer. (In German).
- Schefold, K. (1989). *Die Sagen von den Argonauten, von Theben und Troia in der klassischen und hellenistischen Kunst*. Munich: Hirmer. (In German).
- Schefold, K. (1993). *Götter- und Heldensagen der Griechen in der früh- und hocharchaischen Kunst*. Munich: Hirmer. (In German).
- Schilling, R. (1954). *La religion romaine de Vénus: depuis les origines jusqu'au temps d'Auguste*. Paris: Boccard. (In French).
- Schwab, K. A. (2005). Celebrations of victory: The metopes of the Parthenon. In J. Neils (Ed.). *The Parthenon: From Antiquity to the present*, 159–197. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Shapiro, H. A. (1989). *Art and cult under the tyrants in Athens*. Mainz: von Zabern.
- Shapiro, H. A. (1994). *Myth into art: Poet and painter in classical Greece*. London: Routledge, 1994.
- Simon, E., Hirmer, M. (1976). *Die griechischen Vasen*. Munich: Hirmer. (In German).
- Snodgrass, A. M. (1998). *Homer and the artists: Text and picture in early Greek art*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Stansbury-O'Donnell, M. D. (2005). The painting program in the Stoa Poikile. In J. Barringer, M., J. Hurwit (Eds.). *Periklean Athens and its legacy: Problems and perspectives*, 73–87. Austin: Univ. of Texas Press.

- Strocka, V. M. (1984). Das Schildrelief — Zum Stand der Forschung. In E. Berger (Ed.). *Parthenon-Kongress Basel 1982*, 188–196. Mainz: von Zabern. (In German).
- Thomas, E. (1976). *Mythos und Geschichte: Untersuchungen zum historischen Gehalt griechischer Mythendarstellungen*. Cologne: Thomas. (In German).
- Tyrrell, W. M. B. (1984). *Amazons: A study in Athenian mythmaking*. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press.
- von Bothmer, D. (1957). *Amazons in Greek art*. Oxford: Clarendon Press.
- von den Hoff, R. (1997). Der ‘Alexander Rondanini’. Mythischer Heros oder heroischer Herrscher? *Münchener Jahrbuch für bildende Kunst*, 48, 7–28. (In German).
- von den Hoff, R. (2010). Theseus. Stadtgründer und Kulturheros, In E. Stein-Höllkeskamp, K.-J. Höllkeskamp (Eds.). *Erinnerungsorte der Antike. Die griechische Welt*, 300–315. Munich: C. H. Beck. (In German).
- von Graeve, V. (1970). *Der Alexandersarkophag und seine Werkstatt*. Berlin: Mann. (In German).
- Walter, U. (2004). *Memoria und res publica. Zur Geschichtskultur im republikanischen Rom*. Frankfurt a. M.: Verlag Antike. (In German).
- Wiseman, T. P. (1974). Legendary genealogies in Late-Republican Rome. *Greece & Rome*, 21(2), 153–164.
- Wünsche, R. (Ed.) (2003). *Herakles = Hercules*. Munich: Staatliche Antikensammlungen und Glyptothek.
- Wünsche, R. (Ed.) (2008). *Starke Frauen*. Munich: Staatliche Antikensammlungen und Glyptothek. (In German).

* * *

Информация об авторе

Тонио Хёльшер

Dr., профессор-эмерит,
Институт классической археологии
(Institut für Klassische Archäologie),
Гейдельбергский университет имени
Карла и Рупрехта (Ruprecht-Karls-
Universität Heidelberg)
Marstallhof 4 D-69117 Heidelberg Germany
Тел.: 0049-6221-542512
✉ tonio.hoelscher@zaw.uni-heidelberg.de

Information about the author

Tonio Hölscher

Dr., Professor Emeritus
Institute for Classical Archaeology,
Ruprecht Karl University of Heidelberg
Marstallhof 4 D-69117 Heidelberg Germany
Tel.: 0049-6221-542512
✉ tonio.hoelscher@zaw.uni-heidelberg.de